

Из цикла «Круглый год»

***

Ему было о чем сожалеть, вы уж поверьте, казалось, он может бесконечно и безостановочно, вновь и вновь переживать свои ошибки, заблуждения и разочарования. Но он почему-то сожалел только об одном: о том, что каждый раз декабрь проходит для него стремительно, пролетая без всякого следа. На самом деле это было не совсем так: иногда в декабре он прочитывал несколько страниц прозы Андрея Платонова или вдруг заводил беспорядочные близкие отношения с одной, а то и двумя женщинами. Но он почему-то прицепился к этой идее и уже с конца октября принимался сокрушаться о том, что и этот, грядущий декабрь промчится как один день и он в очередной раз не сделает ничего, даже не полюбуется свежим, густым и чистым снегом, даже не посидит у окна, встречая невозможные ранние сумерки. Как будто в другие месяцы он что-то делал!

А в ноябре он ходил в Сосновый бор и там у второго мостика кричал, шипел и рычал на белок. Белки же не обращали на него никакого внимания, скакали по веткам и растекались по деревьям. Такое равнодушие его очень огорчало.

15 ноября 2017

***

И чем острее и яростнее он хотел, чтобы наступившее лето длилось долго, чуть ли не бесконечно, тем быстрее и стремительнее оно пролетало. И даже яркой вспышки никакой не было, все происходило незаметно, и в конце концов он обнаруживал себя стоящим в парке Сосновый бор, на поляне, засыпанной желтыми листьями, и заворуженно наблюдающим, как черный дятел в элегантном красном берете разбивает на мелкие щепки вековые деревья.

– Это как с женщиной, – подумал он, – о которой мечтаешь десятилетиями, постоянно видишь ее во сне, непрерывно представляешь – как прекрасно было бы с ней... А когда все-таки что-то с ней и получается, вернее, ничего не получается и ты сидишь, рассеянно поглаживая ее живот, и пытаешься понять – что же только что произошло в этой комнате с зашторенными окнами...

Сергей Тиханов родился в 1964 году в Новосибирске. Окончил филологический факультет Новосибирского педагогического института. Публиковался в журналах и альманахах «Дирижабль», «Стрелец», «Уральская новь», «Крещатик», «Черновик», «Футурум АРТ», в антологиях «Очень короткие тексты» (НЛО, 2000) и «Нестолличная литература» (НЛО, 2001). В 2020 году вышла книга «Страшные сказки».

– Так и лето, – заключил он и вышел на Ядринцевскую, где пошел уже совсем сильный и холодный дождь.

24 мая 2018

***

Ноябрь... ноябрь, разогнавшийся в первые дни и летевший неудержимо и стремительно, к середине своей вдруг резко затормозил и словно бы даже остановился. И это ему нравилось: длинные рассветы, бесконечные снегопады и сильный ветер по ночам. Он словно получил внезапно передышку, паузу, во время которой необходимо было на что-то, наконец, решиться. Но решиться, в особенности на что-нибудь, он уже не мог. А пауза, и так уже непозволительно долго тянувшаяся, могла оборваться в любую секунду. И тогда уж перелистнутся последние страницы книги отчаяния, одиночества и пустоты, и прозвучит тогда последняя часть симфонии ужаса и мрака, самая настоящая рондо-соната.

24 ноября 2018

Из цикла «Любить Пересмешницу»

Ровно девять лет назад я привел тебя в галерею Спартака Обмишурина. Правда ты, в силу непреодолимой привычки оставлять последнее слово за собой и из-за стремления всегда быть сверху (в моих фантазиях ты неизменно оказывалась сверху), можешь сказать, что и без меня давно знала Спартака Обмишурина, а в его галерее так просто выросла. Говори. Я-то знаю, что в тот солнечный и холодный октябрьский день своими руками отвел тебя в этот заколдованный замок, к огнедышащему дракону или могущественному волшебнику, из сетей которого ты никак не можешь выпутаться.

В этот день ты мне не дала. Не дала телефон Холмогоровой (мне вздумалось поздравить ее с нашим общим праздником – Днем учителя). – Зачем он тебе? – брезгливо восклицала ты, – кто ты такой? Опомнись! Кто ты и кто Холмогорова! С тех пор Холмогорова каждый раз, при встрече обнимая меня, не упускает случая подколоть: – А я ведь помню, как Пересмешница не дала тебе! Не дала тебе мой телефон! Но теперь-то он у тебя есть!

Еще в этот день ты первый раз спросила меня о моем возрасте. Естественно, это прозвучало в твоём насмешливо-пересмешливом стиле, в ответ на показавшееся тебе нелепым предложение немедленно поехать ко мне, пользуясь тем, что родители на даче, и там уж не терять времени. С тех пор ты не раз интересовалась – сколько же мне все-таки лет, но я так и не сказал тебе. Пусть это останется моей маленькой тайной.

5 октября 2022

Из цикла «Страшные сказки»

Он проснулся от дикого крика своей прабабушки, Бабуся, как все ее называли. – Тр́ава! Ты тра́ва! Ты травишь меня! – вопила Бабуся и хлестала своей высохшей искореженной рукой по лицу бабушку, стоящую перед ней на коленях. Наконец, быстро выдохнувшись, Бабуся наносила последний удар – по элегантной шляпке с бантиком, и шляпка отлетала в сторону. И в этом месте ему всегда становилось совсем не смешно, а очень жалко плачущую бабушку. А до этого было так весело смотреть как бабушка и Бабуся замахиваются друг на друга, яростно выкрикивая не всегда понятные ему слова – Вокзальная! Блядский род! Но когда шляпка катилась по полу, а бедная бабушка беспомощно плакала, он понимал, что происходит что-то ужасно несправедливое. И такие сцены повторялись каждый раз, когда бабушка собиралась на... партийные собрания. Она была на пенсии, но числилась в партийной организации вокзала Новосибирск-Главный, где мирно проработала всю жизнь в бухгалтерии (вот, наверное, откуда всплывало слово «вокзальная»), а Бабуся никогда не упускала возможности превратить эти праздничные, с духами «Красная Москва» и купленной в Риге бордовой губной помадой, сборы в жестокие расправы...

С тех пор он особенно трепетно относился к женщинам в шляпках. Он вообще нежно и трепетно относился ко всем женщинам без разбора, каждой хотел подарить хоть немного тепла, но женщины в шляпках всегда были для него чем-то возвышенным и особенным. Например, однажды Ирка Дремлюга, специалист по старофранцузскому языку, с первой же минуты так пленила его своей изящной шляпкой с трогательным с-боку-бантиком, что он два месяца каждый день занимался с ней сексом, причем это происходило исключительно в светлое время суток и непременно под музыку барокко. Неудивительно, что после того как Ирка уехала с молодым французом-аспирантом в Нант, он долго не мог слушать Монтеверди и Фрескобальди и стал мечтать о том, что встретит женщину, с которой можно будет заниматься сексом ночью, под тяжелую музыку, под Deep Purple или даже Black Sabbath. И неожиданно он очень быстро нашел такую женщину, она работала в пекарне на Демьянке. Правда, шляпок она не носила, еще она ничего не слышала об интимных стрижках, наконец, ей было все равно – с музыкой или без... но это уже, как говорится, совсем другая история.

А мы вернемся к бабусиным рукам, изуродованным работой на каких-то неведомых и непонятных «тяжах». Эти руки он запомнил слишком хорошо. В большой комнате у него был детский столик, на котором обитало несколько игрушек – заяц Пик, мишка-медведь и обезьянка Танька Федосьева. Мама как-то рассказала ему, что по ночам игрушки разговаривают, обсуждая прожитый день и строя свои игрушечные планы на будущее. Ему безумно захотелось услышать эти разговоры, а если получится, то и самому с ними поговорить! Чтобы дверь в большую комнату не закрывалась, он привязал ее нитками к своей кровати и тут же заснул. Проснулся он от шума: Бабуся, чертыхаясь, разрывала нитки. Обычно ночью она ходила на горшок у своей кровати, но почему-то именно в эту ночь ей понадобилось выйти из комнаты, и она натолкнулась на нитки, которые в ярости изорвала. Больше подслушивать разговоры своих любимых друзей он не пытался и в дальнейшей жизни с собеседующими по ночам игрушками не сталкивался.

Еще уместно вспомнить такой случай: снова друзья, снова нитки и бабусины руки. За стенкой жила большая семья Веселаго. Старшего из их многочисленных детей, рыжего Вовку, представлявшего ему Трубадуром из «Бременских музыкантов», он побаивался, а

вот с младшими, Валеркой и Аленкой, ему было очень интересно. Валерка, знавший столько всего, провел между балконами «телеграф», сделанный из ниток и спичечного коробка. Однако воспользоваться этим телеграфом они не смогли. Бабуся объявила, что Веселаги будут отправлять по этому телеграфу мышей. И когда он сидел за столом у окна, сочиняя приключения зайца Пика и Таньки Федосьевой, нитки телеграфа страшно затряслись, он подумал, что Валерка и Аленка что-то передают ему в спичечном коробке, бросился к окну, но увидел исковерканные бабусины руки, безжалостно разрывающие нитки Валеркиного изобретения.

Последний случай самый печальный: как-то раз он распалился, и Бабуся, исчерпав свои угрозы, что отдаст его нищим или, того хуже, в детский дом, где дети дерутся за крошки хлеба, завопила «Хулик! Ты хулик! Ты хулиганишь!», схватила его своими страшными скрюченными руками и ударила головой о раковину. Два передних молочных зуба при этом сломались. Ему не раз потом при разных обстоятельствах выбивали зубы, и ему были знакомы ощущения, когда рот медленно наполняется соленой кровью, а язык нащупывает острые обломки. Но тот, первый, раз был самым обидным и просто чудовищным, до самого конца жизни он так и не смог понять – что же такого натворил неизбалованный и вовсе не хулиганистый шестилетний ребенок, что его нужно было бить головой о раковину. Как успокоила его медсестра в процедурном кабинете кожвендиспансера на Тимирязева: – А что вы хотите, в жизни все когда-то случается первый раз.

2021–2024

Из цикла «Менделеевский жилмассив»

***

Неизбежно он оказывался на улице Театральной. Что он там надеялся увидеть? Трехэтажный дом с заколоченной дверью парадного входа? Ничего нового. Что он там хотел почувствовать? Как холодеет сердце от ощущения, почему-то всегда именно на этом месте настигавшем его, множества семейных историй и сплетений человеческих судеб в девятиэтажках на другом берегу Ельцовки, к которой он как раз и подходил. Каждый раз он медлил с переходом на другой берег, он хотел оставить часть себя, дикую и грязную, на одном берегу, а на другой выйти уже чуточку другим, изменившимся. Но стоит ли говорить, что никогда этого не происходило и обычно он выходил на другой берег ни капельки не изменившимся и, вздохнув, проходил мочиться за гаражами на Олеко Дундича.

***

Кошку звали Грушей. Как и большинство кошек Менделеевского жилмассива, она, несмотря на свой солидный возраст, не умела говорить. Или тщательно это скрывала. Но если бы она могла разговаривать...

Вариации на тему Корелли

В тот вечер ему очень хотелось, чтобы Маленькая разбойница написала хотя бы одно слово сверх пожелания приятных сновидений. Ведь это был необычный вечер: ровно год назад на концерте во время исполнения Вариаций на тему Корелли он первый раз, надо признаться, очень несмело, взял ее за руку. Конечно, он не ждал, что она напишет что-то вроде «я ждала, когда вы наконец это сделаете» или «мне было приятно», нет. Но он так хотел, чтобы она написала хоть что-нибудь. И ведь она написала! Маленькая разбойница написала «Как мы сегодня бежали!» Действительно, в тот раз они бежали за троллейбусом просто восхитительно, особенно он, который обычно едва стоял в позе Ромберга, но тут лихо бежал, паразитально ловко минуя все колдобины и торосы.

Из цикла «Жизнь в девятиэтажках»

***

Он вернулся в самом конце апреля, весь пропахший холодным ночным дождем. Сразу же сказал, что будет кричать в туалете громче, чем раньше. – Я напишу про тебя рассказ, – сказал я ему тогда, – который будет начинаться «он по утрам кричит в сортире». У Олеси начиналось «он по утрам поет в клозете», а у меня – «он по утрам кричит в сортире». Он посмотрел на меня внимательно и сказал: – Знаешь что? Пиши все что хочешь, преувеличивай, как ты любишь, придумывай то, чего никогда не было и чего никогда больше не будет, но только пиши! Ведь ты ничего не пишешь, да и не собираешься писать! И даже замечательные названия для своих ненаписанных повестей и романов не придумываешь. А какие раньше были названия: Прогулка с аппендицитом! Пепельная среда! Циркониевый браслет! А сейчас ты и этого... Тут он махнул рукой, закрылся в туалете и кричал там, как и обещал, громко и жутко.

***

Бумаго-Маральский обычно не оставался надолго в Городе Мокрого Асфальта: приезжал к обеду, к вечеру напивался до бесчувствия, каждый раз при этом разрывая в клочки очередную рукопись со стихами своего друга пиита Черепахи. А утром как ни в чем не бывало уезжал на первом автобусе в свою родную Криводановку.

Как-то я спросил его: – Маральский, почему ты никогда не задержишься, а почти сразу уезжаешь? – Знаешь, Сережка, – задумчиво ответил Бумаго-Маральский, – тяжело мне в этом вашем городе. Вот иду я мимо этих бесконечных девятиэтажек, и мне кажется, что в каждой квартире, за каждым окном люди непрерывно сношаются. Он с отвращением посмотрел на ничем не примечательную девятиэтажку, мимо которой мы как раз проходили, как бы и правда опасаясь в каждом окне увидеть сношающихся людей.

Тогда я не обратил на это внимание: мало ли какие изысканные и утонченные аддикции не преследовали тогда нас, одурманенных Кортасаром, Гурджиевым и Иеронимом Босхом. И вот теперь, сорок лет спустя, неожиданно вспомнил.

6 мая 2023 года

***

Часто наши попытки начать разговор о самом главном, о единственно необходимом не талкивались на стену глухого непонимания и заканчивались плачевно. Нет, не психушкой или транзиторными атаками, но все равно тонкие, долго не заживающие ранки оставались на сердце.

Как-то в середине лета назревала гроза, несколько дней стояла небывалая невыносимая духота. Игорь Евгеньевич тревожно шагал по квартире. Но не гроза беспокоила его, нет, все небесные явления были ему глубоко безразличны, ему нужно было совсем немного – кружка крепчайшего свежесваренного чая и книга. А ночь или день, жара или крещенские морозы, затмения и полнолуния – все это было ему, говоря проще, индифферентно. В этом мы изо всех сил пытались равняться на него, но ничего у нас не получалось, каждому из нас для полного удовольствия было необходимо что-то еще: пластинки с интернациональным джазом, кисет с анашой-сибиркой, женские трусики...

Итак, Игоря Евгеньевича беспокоила не погода, а что-то другое, и беспокоило очень, до такой степени, что он решил поделиться этим чем-то со своей супругой.

– Послушай, Янтарина Мельхиоровна, – начал он, – мне кажется, что три волхва...

Но Янтарина Мельхиоровна не стала долго его слушать, а жестко оборвала:

– Знаешь что, Игорь Евгеньевич? Мне кажется, для таких разговоров о литературе и искусстве тебе лучше призвать жену Мастера Ганса.

Игорь Евгеньевич покорно встал посередине комнаты, медленно воздел к потолку руки и горько воскликнул:

– Жена Мастера Ганса! Явьсь!

В ту же секунду сверкнула ослепительная молния, оглушительный гром прокатился над улицей Ленина, резкий порыв ветра распахнул окно на кухне, с грохотом упала с подоконника и покатила по полу трехлитровая банка с астральными гвоздиками. Вот и поговорили.

22 июля 2023 года

***

На вакансию вместо обычной педагогической практики я попал за компанию, исключительно благодаря необъяснимой симпатии главного методиста, знатока грузинского кинематографа и личного друга Фиделя Кастро Эльвиры Николаевны Горюхиной к Сторожу Сергееву. Вакансия – это вам не практика под жестким контролем, а настоящая работа в настоящей деревенской школе в течение одной четверти, за которую даже неплохо платили.

Первоначально планировалось, что мы поедем на вакансию вместе с Игорем Евгеньевичем, но Игорь Евгеньевич невольно похоронил эту блестящую идею. Однажды ночью, он как всегда сидел на кухне, попивая свой крепчайший чай и почитывая... ну, предположим, Мирчу Элиаде. Он так хотел уехать в деревню, искренне надеясь, что весь тугой клубок сложностей и противоречий, закручивавшийся вокруг него все туже, сам собой ослабнет. И, размышляя об этом, Игорь Евгеньевич невольно пропел строчку из любимого

тогда всеми нами «Аквариума»: – Я уезжаю в деревню, чтобы стать ближе к земле... Лучше бы он этого не делал, лучше бы он удержался от пения под покровом ночи! Потому что в это время в кухню неслышно вошла его супруга Янтарина Мельхиоровна в ночной сорочке, решительно и непреклонно объявившая ему, что он напрасно радуется, что никуда он со своим Тихановым не поедет.

Так я оказался на вакансии в деревне, затерянной в болотах залесенной губернии, с Мастером Гансом. С Мастером Гансом мы, хотя и проводили вместе невероятно много времени, путешествовали и даже обменивались письмами, совсем не понимали друг друга. Понимание пришло слишком поздно, когда уже ничего нельзя было поправить.

На вакансии нужно было вести дневник. Я начал свои записи с эпитафии из Гоголя: «Итак, я в Испании. А.И. Поприщин» и продолжал: Итак, я в Камышинке и это случилось так скоро, что я едва мог очнуться. Мастер Ганс (мы вели дневник вдвоем) не оценил моих аллюзий. Меня же привело в замешательство записанное им наблюдение: «Дети отдаются неожиданно, как женщина». Мне, конечно, стало интересно, кто из детей ему отдался. Тогда в деревнях невозможно было представить близких отношений со школьницей. С учителями – это пожалуйста, это сколько угодно, но вот со школьницами – этого нельзя было увидеть даже в самом страшном сне. Что интересно, в городе все было наоборот.

– Weg! – рассердился Мастер Ганс. – Что ты устраивать балаган? Никто никому не отдавать! Это ты только об этом и думать! – Зачем же тогда ты писать? – спросил я. Мастер Ганс не ответил, разделся и ушел голый купаться в снегу. Тогда он еще разговаривал с акцентом только со мной, это позже он заговорил с акцентом со всеми окружающими.

В последнюю ночь Мастер Ганс не спал, а тщательно вымарывал из дневника все свои записи. Скорее всего, там было что-то еще, не менее парадоксальное и интересное, но я запомнил только вот эту мысль.

Конечно же, я сразу понял, что имел в виду Мастер Ганс, говоря про детей, а свое непонимание я разыграл. Но вот что касается женщин, я не обратил внимания насколько это точно и правильно, хотя со мной именно так всегда и происходило – желанно и неожиданно. То, что я не увидел тогда, на заре туманной юности, я осознал лишь теперь, на пороге печальной и одинокой старости. Вот так, Сережа.

17 марта 2024